

С Т Е Н О Г Р А М М А

заседания "круглого стола" на тему "Современные публичные коммуникации в системе взаимодействия государства и общества"

25 февраля 2014 года

К.Э. ДОБРЫНИН

Добрый день. Я рад всех приветствовать на заседании нашего "круглого стола". Я бы хотел сделать такую ремарку, что касается истории нашего "круглого стола". Дело в том, что идея была его провести, она принадлежала нашему коллеге – сенатору Кажарову, который трагически погиб этим летом. Но тем не менее мне кажется, что правильно и символично, что, несмотря на его гибель, идея нашего хорошего товарища воплощена нами сегодня. И мы работаем. Надеюсь, что эта работа будет позитивной, профессиональной и корректной.

Что касается темы, которая у нас озвучена, как современные публичные коммуникации в системе взаимодействия государства и общества. Если отталкиваться от сегодняшнего времени, то можно сказать, что, мне кажется, достаточно большой прогресс сейчас в этой сфере. Если мы говорим о взаимодействии, например, государства и бизнеса, то площадки есть, правовые формы созданы. И практически и малый, и средний, и крупный бизнес представлен с экспертных советах. И тогда какие-то, если говорить о наших законодательных инициативах, новеллы мы предлагаем, мы всегда рассчитываем и получаем достаточно квалифицированную, серьезную экспертную оценку.

То, что касается взаимодействия общества и государства, то система тоже создается прямо сейчас. Форм много. И тоже если касаться экспертных каких-то вещей, они тоже начинают работать.

Чего сейчас нет, как мне кажется? Сейчас нет все-таки единообразия в формах, что все-таки не очень хорошо. Отсутствует единая концепция, что неправильно, потому что какие-то базовые правовые формы должны быть. Потому что дальше уже можно, отталкиваясь от этого, работать на соответствующих уровнях.

То, что касается двух таких любопытных терминов, которые все любят употреблять, "лоббизм" и "джиар", они вообще пока находятся вне поля правового регулирования, что очень плохо. Потому что если для, например, этих двух явлений гражданско-правовая форма не будет в итоге найдена, то, боюсь, что регулироваться это будет уголовно-правовыми формами, что не очень хорошо. Поэтому, мне кажется, закон о лоббизме, понятие, что же такое джиар, тоже надо вводить, надо разрабатывать.

Кроме того, необходимо не сбрасывать со счетов такой серьезный фактор, который сейчас присутствует, я говорю о социальных сетях. Даже не об Интернете, а о социальных сетях, которые вообще потихонечку занимают, я бы не сказал, что главенствующее положение, но положение, сопоставимое со средствами массовой информации. Поэтому это явление, которое тоже требует глубокого изучения.

Коллеги, я предлагаю всем хорошей, доброй дискуссии. Прошу все-таки соблюдать регламент, потому что я полагаю, что желающих выступить будет много. Также у нас в нашем комитете такая традиция: мы всегда предлагаем, чтобы была живая дискуссия. Поэтому если у кого-то по ходу выступлений появляются какие-то замечания, пожелания, может быть, вопросы, поэтому вы пишете

записки, просите слово. И мы постараемся, учитывая все интересы и все временные ограничения вам это слово предоставить.

А сейчас я бы хотел предоставить слово для доклада Ивановой Светлане Вениаминовне.

С.В. ИВАНОВА

Спасибо большое.

Уважаемые коллеги, здравствуйте. Рада приветствовать, здесь я вижу много знакомых лиц. И предваряя свое выступление, хотела бы попросить прощение за мой несколько неформальный вид и за то, что я, выступив, вынуждена буду уйти. У меня в восемь часов самолет на Гонконг. Наша страна участвует там в двух конференциях во Всемирном конгрессе компаративистов. И мы представляем большой хороший проект, который наш институт ведет в Сибири по образованию и занятости молодежи, в котором участвуют семь регионов. И если из сибирских регионов здесь есть сейчас гости, то, наверное, они о нем даже слышали.

Но сейчас позвольте перейти к теме. По сути дела, так сложно сформулированный мой доклад на самом деле он о коммуникациях, о коммуникациях политических и общественных структур законодательной и исполнительной власти. Двух аспектов председательствующий Константин Эдуардович уже сейчас просто во вступительном слове коснулся в единственной фразе. Действительно, это два аспекта.

Начнем... оттолкнусь от приветствующего нас ведущего собрания... действительно, закон о лоббизме, закон о джиаре надо разрабатывать. У нас уже достаточно заполненное пространство по повышению квалификации в области джиара, но у нас совершенно не отрегулированы механизмы, как это взаимодействие осуществляется. И сейчас действительно вопросы взаимодействия

бизнеса и госструктур отрегулированы. Это так. Но тем не менее они не всегда прозрачны и еще менее прозрачные ситуации, связанные с взаимодействием общественных и политических структур с исполнительной и законодательной властью. И поэтому как обстоит дело, когда люди не знают, тогда начинается построение всяких умозрительных конструкций, и это чаще негативные конструкции. И на мнение граждан страны эта ситуация, несомненно, влияет. Потому что всегда первые подозрения, которые возникают это, первое, что это взаимодействие носит лоббистский характер. Причем в нашей стране так сложилось, что это определение является тоже, по сути, негативным, хотя это не всегда так, и закон бы расставил здесь даже терминологические позиции по местам. И, кроме того, раз это негативно, раз это не так, то значит, это не всегда отвечает и интересам населения, граждан, и интересам, собственно, государства. Поэтому с этими позициями нам трудно спорить, если мы не сделали это предметом обсуждения, если это не гласно, если это не прозрачно. И смена ракурса обсуждения даже в средствах массовой информации могла бы прояснить ситуацию, тогда начали бы изменяться позиции в стране. Тогда стала бы ситуация, реально влияющая на государственное решение, потому что взаимоотношения исполнительной и законодательной власти с общественными, политическими структурами, несомненно, должны влиять на государственные решения. Пока это не всегда, пока наш диалог власти с обществом, естественно, где-то слаб, где-то является лоббистским в негативном плане, а где-то просто не получается. И думается, что сегодня это очень распространенная ситуация, когда просто не получается. Вот в этом заключается проблема коммуникаций.

И с учетом вот этой позиции тема, которую мы сегодня поднимаем на нашем "круглом столе", который планировался более года назад, она весьма актуальна. За год ничего не произошло, эта актуальность не потерялась. Исследование вопроса о формах взаимодействия власти и обществом в таком историко-теоретическом аспекте делает очевидным то, что это одна из основных проблем, реперная точка при определении самого вида или типа власти, ее потенции, возможностей и перспектив.

Если обратиться к исследователям, к серьезным именам, мы возьмем один из подходов к власти, в рамках которого, бихевиористского подхода, выделяются три модели: силовая, рыночная, игровая. Мне хотелось бы обратиться именно к ним, потому что рыночная модель особо обращает на себя наше внимание и она, как нельзя лучше, характеризует настоящее нашей политической жизни. Черты остальных двух моделей игровой и силовой тоже проглядывают периодически в современном политическом устройстве, но в основе все-таки рыночная модель, если определять по большинству доминирующих признаков. Я не буду здесь их перечислять, потому что вы их знаете.

Хотя некоторые можно назвать, чтобы быть доказательной. Например, рациональность как форма рациональной организации устремлений к власти, договорность — из чего возникают особые отношения рыночного плана и потенциала власти (они также действуют по этому принципу отнюдь не редко) и рыночность — когда политическая арена является рынком власти, то есть сферой, когда собственность превращается во власть, а стремление бизнеса в современном нашем мире к власти (во всем мире, не только в нашей стране) очевидно.

И в целом здесь стоит обратить внимание на то, что сфера взаимодействия также подвержена, к сожалению, этим принципам. Надо сказать, что усиление этой подверженности не происходит, может быть, даже наоборот, они просто становятся более регламентированными. И совершенствование постоянное законодательства мешает этому нерегламентированному взаимодействию, которое вспыхнуло и расцвело в 90-е годы, и сейчас мы от той ситуации очень далеки. Но тем не менее и в общественных, и в политических структурах, которые также нередко связаны с бизнесом, и на сегодняшний день также, конкурируют за свое влияние на политику и политиков, на представителей законодательной и исполнительной власти. И, как в любых рыночных отношениях, здесь возможно все. Это выведено исследователями. И то, что часто звучит сегодня уже много лет вопрос подкупа, коррупции, возможного шантажа (ну, шантаж уходит в прошлое или уже ушел почти), но эти вопросы остаются на поверхности. Это не порождение нашей страны, это известно исследователям уже на протяжении лет 50-70, это теоретический концепт, который общеизвестен. Мы просто идет по тому же пути, что и все, и подтверждаем, что так оно бывает.

Но мы не можем не понимать, что в период выборных ситуаций, в период острых политических ситуаций в любой стране (мы сейчас с болью в сердце наблюдаем, что происходит в Украине, или на Украине, как мы говорили раньше), в период любых выборов, в период любых острых ситуаций голоса избирателей — это ресурс, который эквивалентен власти и финансам. И вот этот эквивалент, который здесь можно считать рыночного характера, естественно, позволяет решать свои политические задачи, экономические задачи

и укреплять власть. И это также теоретический концепт, который реализуется на практике, поэтому спорить с этим сложно.

Но как с помощью коммуникаций все это — голоса избирателей, политическая воля тех или других политиков и деятелей государственных — становятся таким ресурсом? Это вопрос коммуникаций во многом. И сегодня опять же мы должны вернуться к пониманию того, осмысливая то, что у нас было в 90-е годы, и что потом последовательно происходило в нулевые и в 10-е, мы можем уже осознавать совершенно четко, что для круговращения политиков в политике, для укрепления власти тех, кто к ней пришел и хотел ее получить... Мы понимаем, те, кто идет на выборы, и те, кто идет в политику, — это те люди, которые осмысленно решили, что они хотят заниматься властью и быть во власти и нести ответственность за то, что они являются руководителями (какого бы уровня это не происходило). Этот нормально. Но пришло понимание двух серьезных моментов: нельзя перегибать с манипулированием общественным мнением, потому что возникает ситуация сложная, и нельзя превышать властные полномочия, даже на собственно политическом пространстве, подавляя те или иные формы общественной активности, которые в данный момент по какой-либо причине не вписались в общую канву, официальную канву политической жизни, но любое подавление вызывает обратную реакцию (это известно).

Особенно эта мысль сегодня подтверждается опять же тем, о чем сказал открывающий наше собрание Константин Эдуардович, — спецификой политического взаимодействия в эпоху информационных технологий.

Система самых разнообразных информационных коммуникаций власти и общества сегодня требует особого контроля

со стороны властных структур, но зачастую делает очень сложной победу в информационных сетях. Контроль установить тотальный невозможно, это понятно уже сегодня, но победить в информационных сетях, это огромная, сложная и, мы понимаем, дорогостоящая работа.

По экспертным оценкам на сегодняшний день власть не выигрывает именно в сетях. Социальные интернет-сети сегодня во многом и в плане образования, воспитания подрастающего поколения, и в плане влияния формирования мнений по поводу решения власти у граждан, и по поводу самих властных структур, стремления донести какие-то идеи до населения, очень правильные идеи, сегодня по всем позициям мы проигрываем в информационных сетях.

Не надо далеко никому ходить за примерами: нажали на одну кнопку, вошли в "Контакт", в "Одноклассники", во что хотите, и мы там увидим, что 300 тысяч школьников обсуждают решение министра, которое они вообще не поняли. И еще столько же тысяч или миллион домохозяек обсуждают то, что ужесточили, усложнили что-то с приемом в вузы, а то, что это было направлено на защиту их же детей, эти домохозяйки не осознают. Они подхватили одну негативную мысль. Ну негативно мыслить проще, критиковать гораздо проще, чем задуматься.

И здесь мы сталкиваемся с одной, очень сложной ситуацией, что в правовом плане наше общество в целом малограмотно. У нас осмысление законодательных проектов или выпущенных законов идет не на уровне знаний, какого-то минимального разъяснения, просвещения законодательства, а на уровне осмысления, ну "Мари Ивановна на завалинке". А Мари Ивановна негативно настроена, она действительно живет не очень хорошо: у нее небольшая пенсия,

у нее масса проблем, и реакция, общий фон жизни не очень позитивный, возраст досаждаёт, болезни. И что?

И дальше это мнение... И если бы это было на завалинке, но у нас завалинкой стали социальные сети. И поэтому это массовое, много, много "сотен тысячное" влияние уже на всех и на вся.

Вот с этим можно и нужно каким-то образом начать справляться. Я имею в виду не с сетями, с ними не справиться. Я имею в виду вот эту вот неясность, нелегитимность законодательства в силу слабой правовой подготовки всех людей.

И это надо начинать, конечно, со школы. Наши дети, школьники, даже начальной школы, они уже несколько другие. Вот кто бывает в школе, тот видит совершенно других детей. Но это в плане предъявления знаний каких-то своих, касающихся школьной жизни, школа в этом направлении что-то делает. Но в плане осмысления серьезных, глобальных проблем — с этим надо работать постоянно, потому что это такой должен быть непрерывный процесс.

Если говорить вообще о непрерывном образовании и о развитии в нашей стране, то нам нужно говорить о непрерывном правовом образовании. Потому что сегодня, если мы наблюдаем сами, если обратимся к концепции коммуникативной рациональности Юргена Хабермаса, согласно которой все члены общества являются участниками коммуникаций, вот сегодня социальные сети сделали нас участниками коммуникаций. Никакая центральная печать в прежние годы не могла этого сделать. А сейчас коммуникации, они могут позволить в позитивном плане опосредованно понять, что ждет власть от общества и что она предлагает хорошего гражданам, и в негативном плане оценивать все эти ситуации.

И здесь оценивать ожидания общества и предугадывать реакции вполне возможно, изучая это мнение и через социальные сети, и всеми другими доступными способами, которые есть у социологов, в частности.

Здесь представлено общество присутствующих и социальными философами, и известными социологами. И я думаю, что они сегодня выскажутся. Я здесь, чтобы не задерживать долго ваше внимание, хотела обратиться к тому, не обращаясь еще к теории вопроса. О ней можно говорить много. У нас много теоретических концепций. Можно вспомнить всех, вплоть до Гидденса. Но у нас время, будем его экономить.

Что требуется сегодня, если переходить к практике, в наши сегодняшние дни? Здесь важна конкуренция политических сил. Конкуренция реальная, живая, построенная на оппозиционных взглядах, но не конфронтационного типа, договаривающегося, на каких-то договорных отношениях и на диалоге. Это не новая мысль. Но, к сожалению, она через социальные сети не реализуется, потому что возникает некое недоверие к тем политическим силам или общественным организациям... Это специфика нашей страны, в первую очередь, коллеги. Это по изучаемым социологическим исследованиям, по мнению многих экспертов (это экспертная оценка), это не может быть таким глубинным исследованием, ну, может быть, социологи меня поправят. У нас сегодня или есть недоверие к каким-то силам, а если возникает доверие, то эти силы ярко такого оппозиционного характера, которые настроены, я бы сказала, критикански. И поэтому людям кажется иногда, и совсем недавний опыт об этом им говорит, что может быть не конкуренция политических сил, а может быть игра в конкуренцию. И люди, которые смотрят новости и осмысливают эту позицию, они

опасаются, что это игра в конкуренцию. Поэтому эти шаги, которые произошли недавно после выборов 2011 года Президента России об увеличении числа партий, об изменении этого политического ландшафта, это видится правильными шагами, потому что все-таки тогда люди могут что-то выбрать не из того минимума четырех парламентских партий, которые были, а из более широкого спектра. Это помогает спланировать, посмотреть на то, кто каких позиций придерживается, куда идти.

И сегодня политическая жизнь нуждается в эффективных коммуникациях с государственной и законодательной властью, всё общество. Вся наша политическая жизнь она в этом, думается, что нуждается. Но разнообразный, в том числе негативный, опыт сказывается несколько... так, что он мешает, естественно. Но сегодня на протяжении тех лет, что прошли с момента последних выборов, мы видим, что возникает все большая готовность к коммуникациям общественных организаций, причем самого разного свойства. И мы видим, что эти общественные организации абсолютно различны. Они для разных слоев населения, они строятся по гендерному и по-разному принципу. Мне кажется, этот принцип не всегда верен, но тем не менее. Они строятся по профессиональному принципу, и каждый находит свой путь к взаимодействию. Социальные сети в этом им помогают, с одной стороны, но официальные форумы, наверное, даже больше.

И самое главное, что сегодня появились (после 2011 года), уже третий год мы эту ситуацию наблюдаем и слышим из уст разных, разных политологов и социологов, придерживающихся разных взглядов, что есть серьезные усилия власти по созданию таких коммуникаций, по формированию поля не из-за кремлевских зубцов. Ландшафт раскладываем как карточную игру, что вот тут вот это, а

вот тут так сделаем. А как раз очень серьезные наблюдения, очень большое внимание к ожиданиям. И быстрая, если вы заметили, быстрая реакция на яркие всплески чьих-то мнений: прислушивание, анализ, ответ через СМИ, через обсуждение разного порядка, в телепередачах, в радиопередачах этой позиции.

И здесь иногда социальные сети тоже помогают. Они могут помочь власти вбросить ту или иную позицию, то или иное мнение и понаблюдать эту обратную связь, обратный отклик. Только это делается чрезвычайно редко, если это происходит когда-то, что могли бы мы, наблюдая, отнести к этой ситуации, то это происходит достаточно редко.

Но, наверное, сейчас как раз наступило то время, что принятие ряда осмысленных решений, к которым я отношу в том числе, согласна полностью с председателем нашим, что закон о лоббизме должен быть. И, кстати, работа с законом, вокруг закона, она приведет к созданию особой площадки для обсуждения всех этих проблем джиара. Сейчас проблемы джиара обсуждаются больше в корпорациях, потому что джиарщики в корпорациях в российских появились и стоят очень дорого.

Ну и сейчас как раз наступает время, очень хороший период, наверное, благоприятный в силу тех событий, которые в нашей стране произошли только что, вчера, наши победы. Искать пути сотрудничества на какой-то реальной практической основе с общественными организациями, содержательного сотрудничества, не манипулятивного, это вполне возможно. У нас есть и были политологи и политики, которые считают, что манипуляция общественным сознанием легко достигается, результат достигается. Но он временный. И он уходит. Или его надо всегда какими-то авторитарными, а не демократическими путями поддерживать. Что

из этого получается, мы иногда с вами наблюдали совсем недавно в нашей истории. Вот опять же суд по деятелям на Болотной закончился только вчера.

Поэтому эти наблюдения говорят, что не нужно манипулятивным путем идти, строить коммуникации через манипуляцию. Можно сделать шаг и самим общественным структурам. Но опять же их правосознание, деятелей, которые себя относят к общественным структурам, иногда остается... Нас все равно не услышат, мы не знаем, каким путем это сделать. Поэтому можно просто критиковать, ни разу, заметим, мы в регионах это видели много, в муниципалитетах, ни разу не обратившись к власти, ждать, что власть услышит. Так иногда рассуждает и научное сообщество: вот мы знаем как, мы все изучили, нас не спрашивают. Я всегда говорю одно и то же: коллеги, если мы не скажем, то нас не услышат. Почему к нам должны прийти, поклониться и спросить? Давайте проявлять активность, и тогда мы будем услышаны.

Поэтому борьба с повышением мотивации и доверия к власти, на то, чтобы к власти обратиться, нужна мотивация. Власть должна подтверждать постоянно, как бы хотелось или не хотелось властным структурам, постоянно подтверждать свою заинтересованность в мнении общественных структур и структур политических. Власть должна постоянно подтверждать свой интерес к мнению граждан. Тогда у граждан и общественных организаций возникает мотивация к тому, чтобы начать не очередные негативные высказывания в социальных сетях или где-то еще, не очередную конфронтацию поднимать, а переговорить, обратиться. И, возможно, что это будет услышано. Мы на этом пути вообще в принципе находимся, потому что многие министерства и ведомства, я могу сказать про Министерство образования, выносят на обсуждение свои концепции

и проекты, прежде чем...Иногда, правда, мы не доходим до конца, так бывает тоже. Обсуждение объявили, а результатов этого обсуждения могут и не быть. Но в принципе всегда есть.

Вот один пример, который абсолютно у нас на глазах и он великолепен в этом плане.

Закон об образовании, первый вариант, если кто читал, помнит, он был совершенно не таким, каким он вышел. Так вот, в комитете по образованию Государственной Думы лежит и хранится на электронных носителях цифра "640 тысяч" обращений граждан по поводу этого закона. И каждое из них было не рассмотрено как поправка, но как предложение. Конечно, отмечают предложения тех, кто совсем ничего не понимает или настроен только критиковать, не прочитав до конца фразу в законе. Но 640 тысяч рассмотренных поправок, из них 20 тысяч были те, которые были рассмотрены как поправки, и много из них внесено. Закон поменял свою конструкцию. Конечно, сейчас уже идет работа по его доработке.

Но, вот видите, есть способ реально решать политические и гражданские задачи, и коммуникации – это верный способ, который может определить в этом плане успех всего дела. Чего я вам всем желаю. Спасибо большое за внимание. *(Аплодисменты.)*

К.Э. ДОБРЫНИН

Спасибо большое, Светлана Вениаминовна, за такой серьезный базовый доклад.

Несколько буквально ремарок, то, что касается лично моего мнения. Я считаю, что, конечно, избыток законодательного текста, чрезмерная попытка зарегулировать все – гигантский минус, которого надо стараться избежать. К сожалению, зачастую в

последнее время мы видим обратное. Тем не менее лучше это видеть, правильно ставить диагноз и так не делать.

Но в данном случае, если мы говорим касательно лоббизма или джиара, здесь не то, что чрезмерное зарегулирование, здесь просто, как юристы любят говорить, лакуна, пробел, пробельное законодательство очевидное. Поэтому здесь надо в любом случае этим вопросом заниматься.

Мне очень понравилось сравнение с тем, что социальные сети – это сейчас такие своеобразные завалинки стали или курилки, как еще их любят называть. Это действительно, потому что влияние абсолютно несопоставимо с точки зрения массовости. Пытаться каким-то образом в эпоху информационных технологий это запретить, невозможно, потому что, как только ты пытаешься полностью установить контроль, ты уже проиграл. Как только такую задачу поставишь перед собой, ты уже проиграл, и можно на этом заканчивать. Надо научиться плавать, нужно плавать в этом океане лучше всех, вот и все. Основной способ взаимодействия только такой, ты должен уметь там работать.

А две проблемы, которые Вы выявили. Первая проблема непонимания, то есть когда общество зачастую не понимает те законы, которые принимаются. Здесь она состоит из двух аспектов. Первый аспект – проблема перевода, когда надо уметь переводить с юридического языка на неюридический и объяснять людям, что ты вообще делаешь. А второй вопрос – это действительно проблема серьезная, это так называемая проблема правового просвещения. Потому что так получилось, что в нашей стране юристы монополизировали право на право. То есть это такая некая закрытая территория, в которой серьезные задумчивые юристы что-то такое творят, никому непонятное, и несут право в народ. А это надо делать,

потому что люди не знают элементарных механизмов защиты своих нарушенных прав, а эти механизмы есть, как ни парадоксально. Поэтому это вопрос, наверное, все-таки в большей степени к нам — юристам. Когда юристы поймут, что также их аспектом работы является в том числе правовое просвещение или право трекерства, тогда ситуация потихонечку начнет меняться. Вот такие замечания.

Я бы хотел предоставить слово Савину Михаилу Степановичу — руководителю сектора социологии прав человека Института социально-политических исследований Российской академии наук.

М.С. САВИН

Уважаемые участники "круглого стола", я считаю весьма своевременным, весьма важным постановку данной проблемы на обсуждение. Надо учитывать, что это очень многоплановая и достаточно сложная проблема. Я посмотрел наши рекомендации, и здесь обоснованно в этих рекомендациях поставлена задача — разработка документа в виде концепции, доктрины либо стратегии, регламентирующей функционирование современных публичных коммуникаций в структурах власти РФ на федеральном и региональном уровнях, в том числе в деятельности Совета Федерации, Государственной Думы.

Я остановлюсь в своем кратком выступлении только на одной задаче будущего такого документа. Это разработка концепции эффективного взаимодействия органов государственной власти с соответствующими институтами гражданского общества в теории и практике принятия правовых и политических решений, что повлечет за собой взаимную ответственность за судьбу общества и государства.

Мы в своей деятельности стремимся эту задачу реализовать, поскольку я являюсь, с одной стороны, заведующим сектором социологии прав человека Института социально-политических

исследований, с другой стороны, президентом Информационного центра по правам человека и директором социологической службы "Барометр", – всё это позволяет в совокупности рассматривать эти вопросы.

Прежде всего, это обосновано тем, что, как подчеркнул Президент нашей страны 13 июня 2013 года, повышение эффективности госуправления – одно из ключевых направлений нашей общей работы.

В частности, мы в своих исследованиях в области экономической политики на основе результатов исследований на крупнейших форумах предпринимателей страны выявили такую деталь, такую проблему, озабоченность – это некомпетентность властей. Она сейчас... мы по результатам исследований выявили, что она по значимости сравнялась с таким риском для российской экономики, как коррупция. Когда эти документы где-то попали наверх, там вначале было недоумение, а потом понимание, что нужно задачу эту решать.

С другой стороны, это проблема государства. Повышение качества управления – одна из центральных задач. Следует также учитывать, что в настоящее время активность гражданского общества, его нетерпимость к коррупции, должностным злоупотреблениям и вообще проблемам общества существенно возросли, при этом степень доверия к государству снижается. Органы власти всё сложнее реагируют на множество общественных запросов, что приводит к обострению социальных конфликтов. Решить эту проблему могут лишь эффективные обратные связи, непосредственное участие граждан в государственном и муниципальном управлении, важным элементом которого и является контроль.

Главная задача общественного контроля — добиться от власти обеспечения соблюдения законов в стране, гарантированного Конституцией Российской Федерации права граждан на непосредственное участие в управлении делами государства, заставить государство с помощью законных методов воздействия добросовестно, ответственно и компетентно исполнять прямые обязанности, то есть быть эффективным.

И вот одной из важнейших форм реализации функций общественного контроля гражданского общества в отношении принятия и исполнения социально-значимых решений, на наш взгляд, является общественная экспертиза.

Совместно с Советом Федерации с 2002 года (более 10 лет) я был одним из руководителей проведения исследований в области мониторинга права. И вот по результатам всероссийских конференций в этой области мы выявили, что потребность в общественной экспертизе, вообще система экспертизы, которая, по мнению экспертов, считается одной из главных задач законотворчества, но в данном случае в общественной экспертизе, мы обозначили эту проблему.

И с 2006 года стали готовить вопрос о принятии закона в нашей стране об общественной экспертизе. И знаете что? Нам пришлось встретиться с колоссальными трудностями. Нам семь лет понадобилось для того, чтобы решить эту проблему. Вначале казалось, что должно было идти быстрее, поскольку нас поддержал Владимир Иванович Федосов, президент Федерации мира и согласия, один из главных деятелей Общественной палаты того периода. К сожалению, он скончался. И он тогда вызвал представителей Общественной палаты с тем, чтобы у нас было какое-то сотрудничество, кооперация. Мы не нашли понимания в

Общественной палате. В Государственной Думе тоже мы не нашли. Мой старый знакомый Сергей Александрович Попов прямо сказал: тебя здесь никто не поддержит в Государственной Думе. Тогда, естественно, мы в Совет Федерации. Вот комиссия в частности, хотелось отдать должное комиссии по проблемам гражданского общества, мы нашли понимание. Но во всяком случае семь лет нам понадобилось для принятия закона, но не в нашей стране, а принятия модельного закона.

И вот 29 ноября 2013 года появилось постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств о модельном законе об общественной экспертизе. То есть есть солидный, богатый материал. Мы вложили в него душу свою, как говорится. И сейчас встает вопрос: как эффективно использовать это?

Здесь много вариантов мы сейчас обсуждаем, во всяком случае, будет скоро конференция по этой теме, мы намерены провести. Также есть вариант, что сейчас рассматривается закон о принятии закона об общественном контроле. То есть в рамках этого закона либо в виде главы, либо каким-то еще образом, но поставить вопрос, зафиксировать вопрос об общественной экспертизе.

Я должен сказать, что взаимодействие общества и государства эффективно только в том случае, если будет диалог, диалог с использованием современных новых форм и с помощью новых инструментов. Только этот путь позволит нам решать ключевые проблемы, улучшать качество принимаемых законов и совершенствовать систему государственного управления в целом.

Говоря о взаимоотношениях общества и государства, я хотел бы подчеркнуть такую очень важную деталь – это своевременность реакции гражданского общества на возникающие проблемы. В

данном случае я могу из нашей практики показать, что когда произошло событие 11 сентября 2001 года в Соединенных Штатах Америки, это террористический акт, мы постарались среагировать своевременно. И в декабре 2001 года мы провели первый "круглый стол" из пяти проведенных в последующем "круглых столов" на тему "Современный терроризм и права человека", где мы постарались поставить своевременно актуальные вопросы, которые могут возникнуть в ходе борьбы с современным терроризмом, не ущемляя прав человека.

Одним словом, современная повестка дня нашего "круглого стола" предполагает рассмотрение очень многих вопросов. Я не имею возможности из-за недостатка времени, но я призываю всех присутствующих, поскольку мы будем это учитывать при проведении мероприятий, конференций в области общественной экспертизы и других наших мероприятий, принять активное участие. Только совместными усилиями мы можем совместно решить эту очень актуальную проблему. Спасибо.

К.Э. ДОБРЫНИН

Спасибо большое, Михаил Степанович.

Единственное замечание такое, что касается тезиса о некомпетентности властей, сопоставимой, даже превосходящей коррупцию. Мне всегда кажется, что говорили мы о коррупции либо о некомпетентности властей, либо еще о чем-то, надо понимать, что власть — это не инопланетяне, которые откуда-то прилетели, это, простите, в том числе и все мы. И каким образом это можно исправлять? Да очень просто. Если действительно это достигло такого уровня, если действительно это так, то, значит, общество и должно само естественным путем это регулировать так, как это происходит с коррупцией.

Потому что действительно, если считать, что коррупция достигла своего потолка, и сейчас нетерпимость к ней возросла, что позитивно, то, наверное, и если рассуждать таким же образом, то власть придется изменять точно также.

Хотел что-то добавить Слепак Владимир Анатольевич, член Общественной палаты.

В.А. СЛЕПАК

Я хотел тоже коротко тезисы некоторые...

Я хотел поддержать Михаила Степановича и сказать, Константин Эдуардович, буквально в этой полемике есть все необходимые рекомендации. И Ваша фраза "научить плавать сегодня гражданское общество" и фраза Михаила Степановича о некомпетентности, все-таки у нас зачастую очень многие представители органов государственной власти и понятия не имеют как учить, и плавать не умеют. Поэтому могу привести это на конкретных примерах.

Ровно две недели назад у нас в Общественной палате... Я член Общественной палаты, сопредседатель Союза потребителей, и возглавляю наблюдательный совет Союза налогоплательщиков России, который возглавляет ваш коллега Торшин Александр Порфирьевич.

Две недели назад мы провели в Общественной палате слушания с представителями министерств (Министерства связи, Министерства экономического развития), с субъектами Российской Федерации, которые отметили крайне неудовлетворительную картину сегодня в том, как сегодня развиваются наши коммуникации, которые мы называем "электронным правительством".

Мы сегодня имеет два базовых документа. Это указ Президента № 601 и постановление № 210 Правительства Российской Федерации, которые выполняются странным образом, а тратятся сотни миллиардов рублей на решение данной задачи.

Что говорили эксперты на совещании в Общественной палате? Созданная, или создаваемая, система абсолютно вторична по отношению к законодательству, так как базируется на стандартах советского периода. Отсутствие полномочий законодательного характера, которые давали бы возможность сегодня... Мы постоянно стали говорить в последнее время о роли муниципалитетов. У нас нет полномочий, чтобы влиять сегодня на главное звено, на муниципальные образования, с точки зрения необходимости принятия информационных программ, которые будут сегодня сопрягаться с программами федерального и городского уровня.

Хочу привести еще один пример. Мы говорил о контрактной системе, 44-й федеральный закон, о необходимости нулевых слушаний сегодня гражданского общества по существующим проблемам. Звучали страшные проценты потери ВВП. У нас нет сегодня адаптации к данной проблеме, нет, в информационном поле.

И, как итог, могу вам сказать, что самые лучшие информационные системы субъектов Российской Федерации, безусловно, это Татарстан. Мы знаем, что Министр связи Никифоров благодаря созданию этой системы стал министром. И это Москва, которая сегодня по охвату уже 4 миллиона пользователей, и 38 видов государственных услуг предоставляет сегодня москвичам. Они не адаптированы к федеральной системе "Госуслуги.ру". Они не адаптированы к той системе, которую мы называем "российской общественной инициативой" и на которой

должны решать важнейшие задачи из жизни нашего общества. Нет такой возможности.

Приведу пример. Первый, как мне кажется, парадоксальный пример, что система российской общественной инициативы создавалась федеральными государственными органами власти без участия Общественной палаты Российской Федерации. То есть общественная инициатива без нашего участия.

Второе. Могу вам привести парадоксальный пример сегодняшнего дня. Мы сегодня объявили в Общественной палате интернет-голосование. Для того, чтобы сегодня собрать электорат, проголосовать за лучших представителей гражданского общества в Общественную палату, люди должны зарегистрироваться на "госуслугах.ру". Регистрация идет на "госуслугах.ру" при предоставлении паспорта, номера СНИЛС, при предоставлении сайта и телефона. Оказывается этого недостаточно. Наши граждане должны еще обратиться лично в органы Ростелекома, чтобы подтвердить как бы свое присутствие и получить код активации для голосования, либо ждать данную заявку еще через одного монополиста, который называется "Почта России". Мы знаем, как "Почта России".

Во всем мире данная процедура идет через идентификацию и посыл sms в мгновенном режиме, а у нас здесь в совещании записано "конституционные нормы", лозунги облегчающие. Мы в банальной процедуре создаем как бы невозможность участия. Уже у граждан Российской Федерации сегодня сформировалось стойкое мнение, что данная процедура абсолютно не годится для таких вещей. Что делать? Мы сегодня внедряем эти сотни миллиардов ежегодно, и забываем, что сегодня у нас десятки миллионов (я сейчас, Константин Эдуардович, не берусь за эту цифру),

60 миллионов пенсионеров. Охват субъектов Российской Федерации (многих) 1 процент. Вдумайтесь! Мы говорим об инициативах, об обратной связи, о возможности взаимодействия и управления. Так здесь сегодня как раз для нашего больного бизнеса возможность показать себя. Я неоднократно говорил: создать пункты, где наши студенты могли бы сегодня оказывать помощь создавать цивилизованный бизнес, создать то частно-государственное партнерство, о котором говорил Президент Российской Федерации. Только наше частно-государственное партнерство опять подразумевает нездоровую монополию. Во всем мире сегодня идет адресная помощь социально незащищенным на эту электронную карту или на личный счет, и они выбирают лучшего квалифицированного, организацию или физическое лицо, который способен оказывать эту помощь. Поэтому сегодня говорить о том, что мы в 2015 году 80 процентов населения подведем под государственные услуги и сделаем (о чем говорил Михаил Степанович) обратную связь, нам не приходится. Надо срочно сегодня часть этих денег перенаправлять на задачи бизнеса и действительно на решение полного охвата. Когда 80 процентов страны вне игры, мы с вами в этой аудитории рассуждаем, как нам построить коммуникации. Надо решать эти задачи.

Что еще хочу сказать? Важнейшая проблема, на которую обратил внимание Михаил Степанович, — безопасность. Тоже нет никакой сегодня обратной связи. А мы говорим опять же о государственных программах, на которые тратятся огромные средства налогоплательщиков. "Безопасный город"! А как вообще прочесть эту программу "Безопасный город" после Бирюлево? После Матвеевского? После этого дикого убийства в московской школе,

где никаких вообще у нас сегодня нет систем безопасности? А это опять бюджетные деньги.

Константин Эдуардович говорил, как юристы, а я хочу обратить внимание аудитории. Константин Эдуардович, у нас безобразное законодательство, мы сегодня вступили в единое экономическое пространство, живем с Всемирной торговой ассоциацией в рамках ВТО, Таможенного союза. А возьмите наши законы?! У нас есть сегодня обратная связь, но наши законы – статья 172... Мы сегодня провозгласили председательство в самом крупной международной организации по борьбе с коррупцией, она называется ФАТФ, а по статье 172 совсем недавно Люблинский суд выпускает двух молодчиков по амнистии. Статья 172 "Незаконная банковская деятельность". А там, где мы председательствуем, там 160 стран, и это самое тяжкое преступление. Точно так же, как наша статья 146 по контрафакту, точно так же, как статья 148 (главная статья для потребителей), где ответственность сегодня за продажу товаров, перемещение и их хранение, которые могут представить вред жизни и здоровью человека, регламентируются административным штрафом 20-40 тыс. рублей.

И в этой сфере, в сфере борьбы с коррупцией, в сфере согласования паспортов безопасности, в сфере участия людей, гражданского общества во всех специальных мероприятиях мы должны... Тоже это приоритет! Мы о нем опять же не говорим.

Сегодня, что бы ни случилось в государстве, мы говорим – общественный контроль. (Да, я закругляюсь.) ЖКХ провалило государство, значит, введем общественный контроль. Провалилась наша экологическая программа – общественный контроль. Госконтракты, которые я упоминал... Михаил Степанович правильно сказал, но мы никогда не построим систему независимого

общественного контроля, если не поймем, что этот контроль (я извиняюсь категорически) не на кухне осуществляется, что к этому контролю привлекаются с самой чистой репутацией самые серьезные участники рынка, самые серьезные организации. И общественный контроль — это действительно общественная экспертиза, это общественный аудит, это общественное расследование и общественные слушания.

Вот по-хорошему наша сегодня аудитория должна... общественные слушания, а что происходит в информационной политике. Но, если не будет независимости, а независимость общественного контроля зависит от одного единственного параметра — от того, что наши общественные организации должны быть финансово независимы.

И когда мы говорим с нашими коллегами об этой независимости, никто не верит, что наше законодательство не позволяет сегодня, направлять средства граждан на поддержку общественных организаций, выводя их из-под режима налогообложения.

И пока мы это не сделаем, у нас не будет этого баланса государственной политики и гражданского общества, который даст абсолютную результативность, с точки зрения защиты прав граждан. Спасибо.

К.Э. ДОБРЫНИН

Спасибо, Владимир Анатольевич. Буквально несколько тоже тогда мыслей. То, что касается тезиса о безобразном законодательстве, немножко вас разочарую. На самом деле проблема совершенно в другом, потому что ошибка, когда дефект правоприменения закона мы почему-то предполагаем, что свидетельствует о дефекте закона. Это не так. У нас проблема в

стране с правоприменением, когда блестящие законы зачастую, которые иногда лучше, чем некоторые мировые практики, они не применяются. Они приняты декларативно, и почему-то наше общество, мы иногда, в том числе, считаем, что ну просто это некая декларация к размышлению. Это не так. Закон надо применять.

В.А. СЛЕПАК

Кстати, вообще... *(говорят одновременно)*.

К.Э. ДОБРЫНИН

Нет, я понял Вашу мысль, просто я тоже хочу немножко поправить. И то, что Вы сказали, что не надо рассуждать, надо действовать. Понятно, что надо действовать, но давайте все-таки перед действиями немножко рассуждать, а то, как в анекдоте будет: что тут думать, трясти надо. Поэтому давайте все-таки думать тоже.

В.А. СЛЕПАК

Я, одну реплику, Константин Эдуардович.

К.Э. ДОБРЫНИН

Да, пожалуйста.

В.А. СЛЕПАК

Когда Вы говорите о правоприменительной практике... Я пожалел просто время аудитории, можно еще...

К.Э. ДОБРЫНИН

Но Вы и так взяли его достаточно.

В.А. СЛЕПАК

...час говорить о безобразной работе наших судов, фактически об отсутствии сегодня правосудия, потребительского в том числе. Спасибо.

К.Э. ДОБРЫНИН

Хорошо. Давайте все-таки немножко сужать тему дискуссии.

Я предоставляю слово Сориной Галине Вениаминовне, наконец, профессору кафедры философии языка и коммуникаций филфака МГУ.

Г.В. СОРИНА

Философского факультета.

К.Э. ДОБРЫНИН

Философского. Простите, да.

Г.В. СОРИНА

Большое спасибо, Константин Эдуардович. Я позволю себе начать, в общем-то...

К.Э. ДОБРЫНИН

Коллеги, давайте регламент стараться соблюдать.

Г.В. СОРИНА

Я постараюсь соблюдать регламент, я его не нарушу.

Рефреном как бы из тех слов, которыми открывал наш "круглый стол" Константин Эдуардович, я хотела сказать, что этот "круглый стол" был задуман очень давно. И, когда весной прошлого года мы с присутствующим здесь Асланбеком Хаважовичем Денильхановым пришли к Альберту Хатуевичу Кажарову, сенатору, то мы встретили большое понимание и поддержку. И было очень отчаянно грустно, что ситуация сложилась так, как она сложилась.

И я позволю себе от имени двух других структур, которые являются организаторами этого "круглого стола", а именно философского факультета Московского университета (потому что я профессор этого факультета) и от имени журнала "Ценности и смыслы", как член редколлегии этого журнала, поблагодарить комитет вот Совета Федерации за то, что этот "круглый стол" все-таки проходит.

Я хочу обратить ваше внимание на то, что вот наш "круглый стол", я не анализирую там какие-то элементы плюсов, минусов, дискуссий. Времени у нас еще мало, мы всего лишь час работаем, и всего будем работать два часа. Но это вот как раз пример того самого диалога между обществом и государством, потому что Совет Федерации, это структура государственная, а присутствующие здесь участники, многие из них, представляют либо общественные организации, либо профессорско-преподавательское сообщество, либо студенческое сообщество. Хочу обратить внимание, что в нашей аудитории присутствуют и студенты тоже. Это первое.

Теперь второе. Опять-таки как бы рефреном к тому, о чем уже говорил Константин Эдуардович, — это о том концептуальном аппарате, который очень важен в этом диалоге взаимодействия между обществом и государством. В частности, этот концептуальный аппарат связан с такими, не очень привычными для нашего уха понятиями, как ... *(говорит на иностранном языке)*. И вот я хочу обратить ваше внимание на то, что очень часто именно вот эта вот система общества и государства, переданная понятием... *(говорит на иностранном языке)*, или вот калькой ее просто, понимают только как систему взаимодействия крупного бизнеса или просто бизнеса с государством.

Но в то же время вот это понятие имеет еще и синоним в той самой англоязычной литературе, из которой к нам приходит это понятие, где широко развиты традиции гражданского общества. Есть синоним этого понятия. Это не только *government relations*, но это и *public affairs*. И как только мы с вами произносим *public affairs*, мы сразу с вами понимаем, что в эту систему взаимодействия включается гражданское общество. И в этом смысле я еще раз хотела подчеркнуть, что тот комитет, который пригласил нас к участию в

"круглом столе", у него в длинном названии есть словосочетание "гражданское общество". Это я думаю, тоже очень важно. Для того чтобы состоялся этот диалог, нужно его вести. Может, это первый шаг наш, но я очень надеюсь, что не последний.

Теперь по поводу содержания моего доклада. Ну, в отличие от моих коллег, которые только что выступали, я имею в виду Михаила Степановича, Владимира Анатольевича, в моем докладе по предварительной подготовке, я не буду его очень длинным делать, заложена очень большая теоретическая часть. Мне кажется, это очень важно понимать, что практика коммуникаций и теоретические основы коммуникаций — это два очень необходимых друг другу компонента. Что у системы коммуникаций есть свои правила, основания, которые, к сожалению, практически у нас не изучаются. Хочу сказать, что в тех репликах, которые звучали, что нужно разработать новый инструментарий коммуникаций между обществом и государством, я-то хотела как раз показать, что нужно, по крайней мере, использовать новый инструментарий, что такое новый инструментарий, это, в частности, те самые социальные сети, о которых сейчас говорили, но нужно использовать старый инструментарий. Надо помнить, что система коммуникаций имеет определенные правила, которые изучались, разрабатывались еще в античности. И, конечно, ярче примеров, чем сократовские и платоновские диалоги, здесь нет. Я могу долго говорить по этому поводу. Я просто хочу сказать, что это очень важно изучать теорию, что это различие между теорией и практикой настолько велико, и вот этот разрыв между теорией и практикой приводит, в частности, и к срыву коммуникации. А срывы коммуникации в обществе, ну и в некоторых парадоксальных ситуациях, которые связаны с практикой коммуникации вот этих трагических событий, которые связаны с

Украиной, я надеюсь, просто один элемент сумею проиллюстрировать.

Вообще основные тезисы моего доклада я бы сформулировала следующим образом, что современное общество как никогда ранее предстает в качестве многоканальной системы коммуникаций, коммуникативных связей и отношений.

И следующий тезис, который я тоже хотела бы провести, но пока просто его сформулирую, он связан с тем, что существуют разные институты общества и государства. Есть классические институты. Не потому, что коммуникация менее классична, а потому что в качестве института очень привычно рассматривать экономику, право, о котором много сейчас говорили здесь. Но вот я-то как раз хотела подчеркнуть тот факт, что коммуникация является отдельным социальным институтом, и что это тот социальный институт, который формирует соответствующее социальное пространство. И в рамках этого социального пространства, на мой взгляд, именно институт коммуникации носит характер некоторого стержня, на который нанизываются все другие отношения. При этом очень важно понимать, как думаю я, то, что всякая коммуникация в конечном счете ориентирована либо на подготовку, на принятие, либо реализацию решения, либо все это в цепочке. И как только мы это произносим, мы сразу понимаем, что здесь вступает в действие еще одна теория — теория принятия решений. И очень важно понимать, кто является субъектами этих принятий решений, и каким образом происходит между ними взаимодействие. Вот так, как бы перескакивая с одной темы на другую, в том смысле, что очень мало времени, я просто обращаю внимание на пример, который приводил Владимир Анатольевич, связанный с частно-государственным партнерством. Посмотрите, как я произнесла: частно-

государственное партнерство. А как в проекте закона написано? Государственно-частное партнерство. Это одно и то же или это разные? Вот анализ этого концептуального аппарата очень важен. Почему вдруг исчезает понятие "частно-государственное партнерство", а доминирующим становится только одно понятие? Это тоже требует анализа.

Следующее. Я хотела обратить внимание на то, что важно понимать, что взаимосвязь между теорией коммуникации, теорией принятия решения — эта взаимосвязь проявляется в практике. И вот способность видеть эту практику, способность использовать критику, причем критику не как отрицание, а критику как анализ, мне представляется очень важным.

И в этом смысле, мне кажется очень важным вводить эти понятия. Я привела это понятие начала 2000-х годов — критическая коммуникация и некритическая коммуникация. И в зависимости от того, как мы воспринимаем коммуникацию, очень важно понять, есть ли у нас критическая коммуникация или нет. А что такое "критическая коммуникация"? Это та коммуникация, которая основана на анализе, на выявлении основных принципов, при помощи которых вводятся какие-то понятия. Очень важно понимать, каким образом выстраивается эта система коммуникаций с точки зрения вопроса и вопросно-ответных процедур.

Я приведу вам сейчас такой парадоксальный пример, который очень многие мои коллеги знают, потому что я его приводила уже не раз. Представьте себе ситуацию, что я бы сейчас вам задала совершенно нелепый вопрос: скажите мне, пожалуйста, кто из вас находился под судом? Вы посмотрите на меня и подумаете: какой нелепый вопрос и зачем? А следующей фразой я скажу, что все или почти все присутствующие в этой аудитории (скорее всего, все-таки

все) однажды, включая меня, подписали официальный документ, в котором мы сознались в том, что мы находились под судом. А это происходило тогда, когда мы получали загранпаспорт. Пункт 13 звучит следующим образом: "Не уклоняетесь ли вы от обязательств, наложенных судом?" И как бы вы не ответили "нет, не уклоняюсь" либо "да, уклоняюсь" – в любом случае вы принимаете этот факт, вы говорите, что да, я находился под судом, но я хороший гражданин и так далее. А дальше это можно проанализировать с точки зрения теории вопроса, вопросно-ответных процедур, выявить различные предпосылки, которые лежат и так далее, то есть мы можем получить очень многое.

То есть я хочу сказать, что вот это развитие теории, вернее трансформация этой теории в общество является очень важной. При этом хочу обратить внимание на для меня любимую идею, что всегда присутствует некоторый общий методологический уровень анализа. И поверьте мне, мы будем с вами рассматривать политику, мы будем с вами рассматривать систему образования или мы будем рассматривать с вами науку, некоторые принципы организации коммуникативной деятельности будут одни и те же. И очень важно, чтобы мы это показывали, очень важно, чтобы мы это рассматривали.

И я попрошу, учитывая то, что я не имею все-таки пульта для управления, открыть предпоследний слайд (до "Благодарю"), потому что все остальное показывать не буду. Там я просто подготовила некоторые примеры, которые как раз позволяют показать значение античности в понимании коммуникаций.

Итак, я говорила о том, что коммуникация всегда стремится к некоторому принятию решений. Нужен критический анализ. Если нет этого критического анализа, то получается, в частности, провал

коммуникации. И вот очень яркий пример, трагические, я уже сказала, драматические события. Вы помните, что совсем недавно, 21 февраля, состоялось подписание такого документа между официально действующим в тот момент президентом Украины Януковичем и представителями оппозициями. Но посмотрите, пожалуйста, как происходит эта коммуникация, как подписывается этот документ. Один из этих лиц, а именно действующий формально президент, уже не обладает фактическими властными полномочиями, он не может управлять тем, о чем он говорит, что будет управлять. Два других человека, которые подписывают, а именно Виталий Кличко и Арсений Яценюк, которые являются представителями оппозиции, они просто никогда не обладали такими полномочиями. И вот происходит коммуникация, принимается решение, подписываются документы. И только одна сторона – Россия в данном случае в лице Владимира Петровича Лукина занимается (я просто смотрю по результатам) критическим анализом. И вот попрошу вас посмотреть на то, что он говорит. Посмотрите, пожалуйста. "Как можно подписать документ, если в принятии решения мы не знаем, кто является субъектом этого принятия решения? Как можно подписать этот документ, если нет тех субъектов, которые отвечают за реализацию этого решения?" И в этом смысле мы можем только (к сожалению, ситуация трагическая) аплодировать этой ситуации, в рамках которой представитель России все-таки не подписывает.

Пафос моей речи в этой части как раз и заключается в том... Да, вы мне можете, конечно, мысленно задать вопрос: а как западные?.. Я бы хотела это опустить, это как бы другая проблема. Я-то хотела показать, что критический анализ очень важен в процессе проведения коммуникации.

Еще раз хочу подчеркнуть, что коммуникация — это отдельный институт, который нужно развивать и продвигать. Спасибо за внимание. *(Аплодисменты.)*

К.Э. ДОБРЫНИН

Спасибо, Галина Вениаминовна, за интересный доклад. Мне очень понравился пример с фактом нахождения под судом. Но таких штук можно много привести. Например, когда возьмем из теории уголовного права. Мы сейчас все уголовно ответственны. Другое дело, что мы позитивно уголовно ответственны. Есть негативно — это когда совершил, и потому претерпел. А позитивно — мы знаем, не совершаем и не претерпеваем. Таких вещей много, но это интересно было, согласен.

То, что касается срыва коммуникаций. Я вообще бы сказал, что проблема у нас в том, что в наших коммуникациях зачастую отсутствует такое понятие как диалог. У нас либо монологи друг к другу обращены, либо лозунги, что не способствует вообще позитивным коммуникациям. А в итоге срыв коммуникаций приведет к такому понятию, которое называется "абсентеизм", когда активная часть общества начнет уклоняться от участия вообще в управлении государством, что снижает, как минимум, легитимность власти. Поэтому это все-таки процессы взаимосвязаны. Спасибо еще раз.

И хотел предоставить слово Гольдеру Юрию Владимировичу, председателю Президиума Волгоградской областной общественной организации "Ассоциация по защите прав потребителей".

Ю.В. ГОЛЬДЕР

Уважаемые коллеги, я прошу извинения, но я люблю говорить экспромтом, но у меня что-то вдохновение пропало. Я единственное хочу попросить...

К.Э. ДОБРЫНИН

Может быть, оно у Вас потом появится.

Ю.В. ГОЛЬДЕР

Я тоже рассчитываю, тем более я практик и мне есть, что сказать. Но я прошу то время не отнимать, а очень надеюсь, что эту тему сможет раскрыть, и я с удовольствием слушал, при всем уважении ко всем говорящим, Владимира Анатольевича. Прошу его продолжить, тем более было сказано председателем, что тайм-аут, время ограничено. Я свое время, насколько это возможно и уместно, прошу все-таки досказать то, что не досказал Владимир Анатольевич. Это настолько важно и необходимо. Я, как председатель общественной организации, которая...

К.Э. ДОБРЫНИН

Давайте не будем тратить время. Если Вы не возражаете, давайте две минуты дадим еще Владимиру Анатольевичу. Нет?

И.Н. ЧЕРНЫШЁВ

А можно я вдохновлю? Давайте я попробую все-таки вдохновить именно то, что навеяно докладами, в том числе и предыдущим докладом. Можно сделать вывод из этого, из чистой теории, практики о том, что всякая коммуникационная связь имеет смысл тогда, когда есть смысл этой связи вообще. Это продемонстрировано и Лукиным, в том числе.

Вообще для чего происходит сегодня коммуникация? Для чего это все делается и откуда это *...(неразборчиво)...*? По крайней мере, мое мнение, навеянное то, что здесь... Хотя мне другой доклад готовили.

Вообще, идеология нашего законодательства, и она объявлена Президентом, да и любого государства, — мы строим лучшее в мире общество. Это, как бы мы не крутили, любое государство, любое

правительство, любая власть заявляет об этом. При этом на сегодняшний день опять же мы не знаем, что такое лучшее общество. Мы сегодня не прописали(?), что такое хорошо, что такое плохо.

Частная собственность. Хорошо это или плохо? Если это хорошо, значит, мы должны сегодня по средствам коммуникаций, в том числе, воспитывать уважение к этой самой частной собственности, с чем сегодня есть большая проблема.

Мы сегодня говорим о мнениях экспертов, в том числе об общественной экспертизе. Но это вообще новое понятие. Оно интересное, но, к сожалению, оно не скоро приживется, хотя очень важное. Для меня, например, не понятно в этой части, как это будет согласовываться с такими вещами, с которыми мы сегодня сталкиваемся, это верная электронная рассылка в органы власти, когда нажатием кнопки мы получаем 200 обращений, но эти 200 обращений, если к ним еще 200 страниц приложений. Органы власти обязаны это переслать соответствующим образом и так далее, и так далее. Запускаются целые министерства и ведомства для того, чтобы подготовить ответ этим двумстам... Хорошо, если 200, а то бывает и больше обращений на одну и ту же тему. И получается... Например, все сенаторы. Я говорю еще раз, нужно очень большой аппарат раздувать именно из этого.

К чему это привело, вот эти вещи, которые сегодня есть? Не к тому, чтобы электронные средства коммуникации упростили нам жизнь. Они наоборот сегодня усложняют жизнь, а порой делают такие абсурдные вещи.

Что сегодня навеяно. Мы говорим: частно-государственное партнерство. Но люди старшего поколения, для нас это не совсем понятно. Частно-государственное, вообще правильная ли это формулировка или нет?

По одной простой причине, что мы привыкли, что нам говорили: что такое государство? Государство – это мы. Поэтому мы сегодня, как бы вот формируя вот таким вот образом, в том числе и законодательно, частно-государственное партнерство, наверное, закладываем определенную мину и под самим этим партнерством, в том числе. Потому что трудно найти роль каждого отдельного гражданина вот в этом партнерстве.

Если бы мы говорили каким-то образом, то есть разделяли, власть это власть, есть гражданское общество, есть что-то. Мы, к сожалению, на сегодняшний день пока не смогли этого сделать, поэтому все валим в кучу.

И закон об экспертизе (я начал о нем говорить), у нас вообще большая проблема с экспертами, как мне кажется, у нас нет закона об экспертизе вообще. Поэтому получается, часто приглашают на мероприятия различные, особенно в субъекты приезжаю, говорят: вот Вы там в качестве эксперта выступите. Я говорю: в качестве эксперта я выступать не буду. Потому что для меня вообще это понятие непонятно, кто такой эксперт.

Если переходить, с точки зрения эксперта классического понимания, это тот человек, который дает заключение, которое является потом аксиомой, и принимается как аксиома для всех, то есть это окончательное мнение. По крайней мере, мое понимание. Это то, что нельзя померить инструментом. Если есть инструмент, который может опровергнуть это мнение этого человека, значит, это уже не эксперт. Это человек, который приложен к определенному инструменту, нажимает кнопку, получает результат. Это маленько разные вещи. Поэтому эти тоже вещи нужно как-то урегулировать: или таким образом, или таким.

Взять, например, Германию. Там есть такая профессия – нюхач, это человек, который выдает лучше всякого эксперта заключение. Не надо никакого прибора. Он говорит, данный воздух приемлем для города или неприемлем, то, что пахнет, как из этой вот кухни тем или другим, проходя мимо. Он дает оценку, и соответствующее мнение прилагается. Он идет как эксперт. Это является аксиомой, и никто это не ставит под сомнение.

У нас порой получается, эксперт один выступает по одному и тому же вопросу, говорит вот так, другой эксперт по этому же вопросу говорит, что нет, это вот так, а третий – так. Где истина? Власть стоит перед дилеммой опять же: какое мнение принять, потому что эксперты во мнениях разошлись. Власть принимает свое мнение, то, на что у нее хватает денег.

Поэтому вот все-таки вопрос, который сегодня Константин Эдуардович поднял, вопрос чрезвычайно важный. И он, действительно, сегодня отмечалось, верхушка большого айсберга, потому что это вопрос, он более гораздо широк, нежели как он сформулирован. Даже не знаешь, что не нужно говорить, для того чтобы не попасть в тему этого вопроса, то есть чтобы не говорили, мы все равно попадаем в тему этого вопроса, который рассматриваем.

Но я постарался спровоцировать, или, как вот товарищ говорит, его на что-то сподвигнуть. Поэтому вот давайте продолжим.

К.Э. ДОБРЫНИН

Спасибо.

Коллеги, забыл представить, Игорь Николаевич Чернышев, сенатор.

Хотел предоставить слово Расторгуеву Валерию Николаевичу, профессору кафедры...

С МЕСТА

*(Не слышно. Говорит не в микрофон.)**(Не слышно. Говорит не в микрофон.)*... порядок есть...

К.Э. ДОБРЫНИН

А Вы не переживайте, я Вас увижу, скоро будете.

Расторгуев Валерий Николаевич – профессор кафедры философии, политики и права философского факультета МГУ.

В.Н. РАСТОРГУЕВ

Уважаемый председатель, уважаемые коллеги! Кстати, хочу сказать, что коллегами я могу назвать каждого, здесь присутствующего, поскольку сам в этих залах проработал в первом созыве заместителем председателя комитета по социальной политике, по Регламенту и так далее. Кроме того, я – коллега чиновникам, которые здесь присутствуют, потому что поработал и госсоветником.

И вот к вопросу, относительно компетенции и компетентности...

РЕПЛИКА

(Не слышно. Говорит не в микрофон.)... коллега преподавателям.

В.Н. РАСТОРГУЕВ

Да, ну само собой – научное сообщество, экспертное. А вот то, что касается замечания Михаила Степановича относительно некомпетентности власти, друзья мои, это вопрос, который требует, ну, маленькой корректировки. Дело в том, что власть не может быть профессионально компетентна.

Я вот, когда работал сенатором и госсоветником, я настолько повредил свою профессиональную компетентность, что мне потребовалось где-то полтора года для реабилитации. Просто я учился работать, как должно. Это на самом деле очень серьезно.

Власть, как раз компетенция заключается именно в той теме, о которой мы говорим, то есть это коммуникации именно особого типа. И, кстати, здесь очень важно разобраться в семантике, что это за тип коммуникаций.

Если вы захотите составить что-то наподобие словарика, тезауруса (кстати, юристам он бы не помешал, и, я имею в виду, законодателям прежде всего), то в данном случае первое определение – "открытость" (то есть если это речь идет о публичных коммуникациях) – отпадает, потому что публичные коммуникации – это самые закрытые формы коммуникаций, и я постараюсь это объяснить буквально в двух словах. Здесь объяснение довольно сложное, конечно, многомерное, но в двух словах сделать это очень просто.

Дело в том, что язык служит не только для того, чтобы открывать мысли. И публичная коммуникация, естественно, в сфере политики – это далеко не то же самое, что коммуникация в сетях. Если речь идет о закрытой стороне политики, то каждый должен понимать, что политика – это не только те вещи, которые можно увидеть, например, создавая систему "Открытого правительства", но не пародию, а реальную, или что-то аналогичное этому (это прежде всего проекты, это законопроекты, это программы и так далее), то есть все, что можно увидеть, пощупать в процессе роста и становления, а это еще и бесконечные интриги в хорошем и плохом смысле этого слова. Если я вас заинтриговал, то есть это, значит, я вас заинтересовал. Но интрига – это еще и другой интерес в политике. Интриганство – это групповые, личные, партийные и прочие интересы, которые никто никогда открывать не будет, естественно, просто в силу, если хотите, честности профессиональной.

Кроме того, друзья мои, ведь политика — это еще и провокации бесконечные, и тоже в хорошем смысле слова прежде всего. Здесь приводились примеры относительно законодательства — по образованию, по РАН. Я должен сказать, что если первый закон был вброшен как абсолютное безумие и хаос, то ведь это же чистая провокация. Это для чего? Чтобы потом люди, которые орали, кричали, рвали волосы и получили совершенно беспомощный... ну, не совершенно, но более или менее... намного лучше, конечно, выглядящий закон непрямого действия из полутысячи страниц и так далее, не считая непрямого действия еще столько же для толкования... Так вот когда они это получили, они считали это уже своей победой. То есть это, ну, классическая, нормальная провокация, которой занимается политика. И вы хотите кому-то объяснить, что публичные коммуникации — это открытая?.. Это закрытая совершенно сфера, где информация дозируется, процеживается и так далее.

Теперь несколько замечаний по семантике. Здесь очень важно отметить, что же такое публичные коммуникации. Вот я как раз бросил идею подготовки доктринального документа по регламентации функционирования джиар и прочей там деятельности, менеджмента. Так вот, я должен сказать, что здесь очень важно просто посмотреть по семантике, что такое публичные коммуникации. Публичные — это прежде всего, если с точки зрения права к этому подходить... Вот есть право частное и есть право публичное. Публичное — это означает, насколько я понимаю (может быть, меня поправят, если это не так), отношение, где участвует непосредственно государство, где оно является или партнером, или участником и так далее этого процесса. Так вот когда мы говорим о публичных коммуникациях, то это не открытость, господа, а это

участие государства, со всей ответственностью, со всей закрытостью, с застегнутыми пуговицами, с галстуками. А когда чиновник или государственный лидер снимает галстук, то это тоже регламент, это тоже специальная процедура, это знак доверия, это все равно что я разоружился. То есть в каждом случае каждый знак имеет ценность.

Я не могу, к сожалению, даже назвать основные тезисы своего доклада и даже назвать хотя бы пункты, на которых надо было бы остановиться. Но скажу, что, кроме вот этого семантического гнезда, то есть это юридическое участие государства, есть и другое, о нем тоже нельзя забывать. Все-таки существуют публичные профессии, их не так уж много, и три их называют обычно, и политика — одна среди них. И должен сказать, что по уровню коррупционной емкости как раз политика намного выше, чем журналистика, ну и другие профессии, которые мы называем публичными.

Здесь нет ничего, кстати, оскорбительного, это просто констатация факта, которая означает, что сфера пиар-коммуникаций, то есть сфера коммуникаций, коммуникаций, где участвует государство, — это сфера чрезвычайно коррупциогенная. И здесь, когда мы будем разрабатывать любой документ, или вы будете разрабатывать, конечно, вот этот аспект является ключевым, безусловно.

Теперь буквально по перечню. По мотивации очень важно, что пиар-коммуникации — это, конечно, особый тип сообщения, то есть вы пытаетесь донести себя и свои интересы таким образом, чтобы никто не понял, что это ваши интересы, а чтобы все представили, что это ваша миссия. То есть это очень любопытная, кстати, вещь в сфере публичных коммуникаций. Это особый тип самоутверждения, позиционирования и так далее.

По воздействию, это очень важно, в публичной коммуникации далеко не вся информация становится... это же не сеть, где узкие интересы и можно лавировать и искать оттенки и прочее, здесь вы работаете на определенную и очень широкую, как правило, аудиторию. Это означает, безусловно, что по воздействию это прежде всего событийность. Событийность – это чрезвычайно интересная тема, я мог бы... я читаю целые курсы по тому, что такое синхронизация событий, например, что такое организаций событий. Вот мы живем в мире событий, и мы не понимаем, что это за мир, как они производятся, что они собой являют, почему они являются исключением из нормы, как это делается. Должен сказать, что в публичной политике, собственно говоря, это главное. По мотивации я уже сказал, по воздействию и по форме это артикуляция, это превращение или одевание в текст ваших идей. Должен сказать, что здесь вступает в силу еще одна власть, которую вы не видите, это связано тоже с рисками такого рода деятельности, это то, что называли прежде властью классификации. То есть как назовете, как классифицируете, к чему отнесете, так и будет. Вот назвали героями убийц, предположим, героями Украины, и одновременно приняли решение не рассматривать и не расследовать убийства законозащитников. Как назвали, так и будет. Мало того, это, может быть, даже национальная история вот этого государства. То есть это тоже в качестве иллюстрации для размышления. А по сути коммуникации публичные, где участвует государство, вот если этим определением пользоваться, – это, конечно, в первую очередь лоббизм. А лоббизм в Российской Федерации, который вообще никаким образом не прописан... Эти стены знают прекрасно, что такое лоббизм, смею вас заверить. Так вот лоббизм – это основное русло коррупции, в которое скатилось наше государство. То есть вот

тот факт, что здесь ничего не намечено, никаких ориентиров, абсолютно никаких критериев, абсолютно не артикулировано ничто в этой сфере, — это как раз и есть основа вот этой безграничной коррупции, которую никаким другими методами не остановить, если с этого не начать, а с этого никто начинать не собирается, насколько я понимаю.

Ну и в заключение, учитывая, что времени нет, разумеется, хочу сказать, что управлять этими коммуникациями, делая их более или менее открытыми или интерактивными (интерактивность — очень опасная вещь, это тоже особая тема), — это можно делать, но только при наличии достаточно четко сформулированной государственной долгосрочной стратегии. Здесь говорилось, что, например, мы хорошо знаем, какое общество мы строим. Да бог с вами, господа! Спросите двух политиков, и они вам дадут два разных ответа. Спросите третьего, и он назовет предыдущих идиотами. Я уж не буду говорить о том, что если вы спросите политолога, что он скажет о том, что произошло. То есть никто ни в одном документе ни словесно даже не заикается о том, какое общество мы построили и какое строим, это просто к примеру о политических коммуникациях публичных. Спасибо. *(Аплодисменты.)*

К.Э. ДОБРЫНИН

Спасибо большое, Валерий Николаевич.

Хотел бы слово предоставить легендарному Шелищу Петру Борисовичу, председателю Союза потребителей Российской Федерации.

П.Б. ШЕЛИЩ

Спасибо, Константин Эдуардович.

Я попробую подхватить предшествующий дискурс.

Во-первых, Светлана Вениаминовна(?) Ивановна указала, как на ключевой механизм взаимодействия общества и государства, политическую конкуренцию.

Я полагаю, что уже используя терминологию Галины Вениаминовны, это некритическая коммуникация. Она беспредметна, о чем только что говорил Валерий Николаевич. Собственно, борьба, политическая конкуренция идет вокруг того, кто должен командовать, кто должен быть начальником.

Ради чего, ради каких целей, какими средствами строить это самое лучшее общество, фактически, даже не обсуждается. Когда что-то начинают обсуждать, мы слышим достаточно жалкие речи, которые людям не интересны, и не укрепляют крайне слабое доверие к политическим институтам.

Общественное потребительское движение появилось в конце 1980-х годов, когда старая система приоритетов фактически не пользовалась никаким авторитетом, а новая система еще не сложилась. И вот тогда господствующей парадигмой, многие из вас помнят, стала всеобщая выборность. Всех хотели выбирать — директоров, всех начальников. Была общая идея. Но я в то время занимался социологией. И вместе со своими некоторыми коллегами мы выступили с такой точкой зрения, что в стране, где подавляющее большинство граждан не имеет никакого представления о том, что это за страна, что за регион или город, в котором они живут, как они управляются, каково вообще качество их жизни по сравнению с тем, что в других городах, регионах, государствах. Предоставить это самое всеобщее право выбора руководителей означает обречь это самое большинство, стать жертвами демагогов и мошенников.

Я был одним из участников раннего демократического движения в своем родном Ленинграде, и в этом отношении был

среди белых ворон. Все были, конечно, за выборность. Но меня спрашивали: "А что взамен?" И взамен у нас появилась такая идея, что надо затронуть мотивы подавляющего большинства людей, которые ощущают, что их ущемляют, обманывают, наносят им ущерб в той сфере, в которой все они каждый день участвуют, в правоотношениях — это в сфере потребления, что-то покупая, заказывая какие-то услуги, что-то кушая, когда что-то пьют, носят и так далее.

И, собственно, из этих соображений мы начинали общественное потребительское движение, которое оказалось достаточно востребованным, в том числе частью аппарата, понимающего, что старая жизнь кончается, а к новой надо как-то приспособливаться, и частью людей активных, но не склонных к повышенному риску, связанному с такой активностью. Мы создали тогда первую общественную организацию по защите прав потребителей. Через два-три года... Потом такие организации появились во многих регионах. Мы создали еще в СССР федерацию общества потребителей СССР, Союз потребителей России. Мы сделали проект закона, который стал законом СССР о защите прав потребителей (в 1991 году был принят). В 1992 году появился такой закон Российской Федерации.

И процесс, на наш взгляд, шел очень позитивно в течение нескольких лет. Потом все это остановилось, потому что абсолютно никакой коммуникации с властью, к сожалению, не получилось. Я приведу вам простой пример того, что происходит сейчас в этой части коммуникаций общества и власти.

Есть в законе о защите прав потребителей статья 45 о правах общественных объединений потребителей. Одно из самых существенных таких прав — это право проводить проверки

соблюдения прав потребителей и разных нормативных документов, правил торговли и других правил. По результатам этих проверок составлять акты, направлять их в органы государственного надзора, прокуратуры и так далее. Вот сидит за мной мой коллега из Волгограда, который потерял тут интерес к выступлению. Но я скажу вам про него.

К.Э. ДОБРЫНИН

Он сказал, что не приобрел.

П.Б. ШЕЛИЩ

Да, не приобрел. Так вот он за последние, он не так давно этим занимается, несколько лет, но вот за последние год-два он послал по результатам таких, он проводит вот такие общественные проверки в очень интересной, я бы сказал, в форме их, проводит с киносъемками, с приглашением журналистов, он проводит проверки того, что нам продают в сетевых магазинах и не только. Он послал порядка 300, может, я ошибусь, но не качественно ошибусь, вот он послал несколько сотен таких актов: в орган Роспотребнадзора свой региональный, в свою прокуратуру. Чем это кончилось? Через несколько месяцев прокуратура сообщила ему, что на него написано, как оказалось, в один день и в одном месте в районной прокуратуре десяток заявлений от индивидуальных предпринимателей о том, что он пытался у них что-то вымогать. И сейчас он ждет, заведут уголовное дело, не заведут уголовного дела. Вот вам такой образец установки на коммуникацию общества и власти со стороны власти. Ей не нужны лишние проблемы, нашей власти.

Наверное, лет 10 назад я, будучи тогда депутатом Госдумы, вместе со своим коллегой Виктором Александровичем Семеновым дважды вносили законопроект об общих принципах взаимодействия федеральных органов государственной власти и общероссийских

общественных объединений. Идея была простейшая, идея была такая, что если общественное объединение федерального, общероссийского уровня заинтересовано во взаимодействии с федеральным органом власти по профилю своей деятельности, оно ему об этом сообщает. В уведомительном порядке оно попадает в обязательный список рассылки проектов нормативных актов, которые готовит этот федеральный орган. Далее, получив какой-то проект готовящегося акта, эта организация имеет право прислать свое мнение в этот орган, а орган обязан дать ей ответ. Все. На этом кончаются все права общественной организации. Если ее не устраивает ответ, есть публичная сфера, в которой она может выражать свое недовольство, организовывать митинги и демонстрации в установленном законе порядке и так далее. Но все дружно отвергли этот законопроект. Абсолютно не нашлось никого, кто бы нас поддержал, хотя я убежден, что это было абсолютно правильное направление движения. Прошло много лет, и сейчас создали вроде бы еще лучший механизм – российская общественная инициатива. Но ей никто не воспользовался до сих пор. Все так сделано, сделано в расчете на каких-то идеальных людей из книг о будущем, из фантастики Ивана Ефремова. Но у нас таких людей крайне мало, не набрать им никогда 100 тысяч подписей. Если они могут набрать за что-то 100 тысяч подписей, то голову даю на отсечение, это будет заведомо какая-то демагогическая глупость.

Может, про какие-то платные парковки. Не работают такие механизмы. А реальные, которые должны исходить из того, что есть более активная часть населения, которая, собственно, и представляет собой гражданское общество, это не 140 миллионов, гражданское общество, вот с этой частью надо взаимодействовать. Нет желания. Вы вспоминали тут про закон о лоббизме. Я помню, я пришел в

Госдуму впервые в 1994 году, в первую Госдуму. И в той же Госдуме депутат Лепехин внес такой законопроект о лоббизме. Этот законопроект мусолили, наверное, две Госдумы и, по-моему, в третьей отклонили, наконец. В то время можно было столько лет держать законопроект. Идея простейшая, во всех законодательствах о лоббизме идея одна и самая простая: если ты собираешься профессионально представлять чьи-то интересы, зарегистрируйся, если ты, конечно, не избираемый человек. Депутат тоже представляет чьи-то интересы, но он человек избираемый. Если ты человек не избираемый, а сам хочешь этим заниматься профессионально, зарегистрируйся. Так делают в Америке, других странах. Но какой же наш лоббист на это пойдет? Он не даст никогда принять такой закон. Лоббизм – дело обоюдное, мы же все знаем, понимаем, как это все действует. Если я регистрируюсь как лоббист, я должен потом регистрировать все свои доходы, получается. Это просто ничем не может кончиться само по себе, без проявления воли с самого верха.

Ну и еще у меня есть два частных замечания про джиарщиков. По-моему, Константин Эдуардович сказал, что стоят дорого джиарщики или сказала Светлана Вениаминовна, что сейчас большой спрос на них, сейчас большой спрос в крупных компаниях и стоят дорого. И мне это напомнило, как-то при мне разговаривали между собой два юриста, говорили, что надо бы нам сотрудничать. И первый вопрос, единственный, собственно, вопрос: на судей выходы есть? Тут, собственно, та же самая история: платят дорого тем, кому поверят, что у него есть выход на министра, губернатора и так далее. Вот, собственно, все это продолжение истории о коррупции.

Ну и последнее замечание. 20 тысяч поправок в закон об образовании. Я, честно говоря, не знаю, смеяться тут или плакать,

что может остаться от законопроекта, к которому приняли 20 тысяч поправок. Это просто уже совсем другой закон и концепции в нем в принципе быть не может. Концепция – это одна поправка, больше ничего. Спасибо.

К.Э. ДОБРЫНИН

Спасибо большое, Петр Борисович.

Буквально я дополню. То, что касается проблемы, которую Вы озвучили по поводу того, что зачастую закон меняет концепцию в момент прохождения, как раз недавно обсуждали это на Совете законодателей как одну из серьезных проблем. Потому что зачастую мы сталкиваемся с такими случаями, когда закон на входе, условно говоря, состоит из двух страниц, а на выходе из 60 или 90, или вообще там другой предмет регулирования абсолютно. Это проблема.

И еще. То, что касается... вот коллеги из Волгограда... Юрий Владимирович, по-моему... надо было все-таки площадкой воспользоваться и выступить.

Ю.В. ГОЛЬДЕР

Я сейчас скажу, я созрел.

К.Э. ДОБРЫНИН

Сейчас не надо, потому что проблема понятная. Я что хотел вам предложить? Если вот то, что рассказали, действительно правда, так вы можете обратиться. Я знаю, что коллеги-сенаторы от Волгоградской области... думаю, что они просто обязаны будут заняться, потому что это нарушение конституционных прав граждан. Почему нет? Я думаю, что вам стоит пойти этим путем как минимум. Сейчас давайте уже не будем, лучше потом подойдете, мы отдельно это обсудим, потому что времени осталось несколько минут, хотелось бы еще другим коллегам дать выступить.

У меня очень короткая реплика Петру Борисовичу лично и всем присутствующим в частности. Мне очень жалко, что у нас ни по времени главное нет человека, который подготовил доклад на эту тему, нет возможности как раз обсудить последовательно закон об образовании. Я просто хочу анонсировать, может быть, когда-нибудь, чтобы...

Елена Владимировна Брызгалина, которая, к сожалению, заболела, она как раз и хотела посмотреть на этот закон и выявить множество ошибок, причем в том числе с концептуальным аппаратом, который заложен в основание этого закона. Спасибо, это просто реплика.

К.Э. ДОБРЫНИН

Спасибо.

Хотел бы предоставить слово Грифцовой Ирине Николаевне, заведующей кафедрой философии Московского педагогического государственного университета.

И.Н. ГРИФЦОВА

Спасибо.

Дорогие коллеги! Поскольку у нас все-таки встреча происходит в режиме "круглого стола", мне бы хотелось, тем более времени осталось очень мало, просто среагировать на многие выступления, которые звучали до меня.

Так получилось, как мне кажется, что у нас обсуждение пошло по двум линиям: одна часть – это больший уклон в практику, другая – в теорию. Это понятно, поскольку представленные люди, многие из них, совмещают в себе, правда, это, но тем не менее.

Если бы я выступала сразу после Валерия Николаевича, то я бы квалифицировала выступление как бы по двум основаниям. Первое – это провокация, по-моему, в определенной мере, если

пользоваться его собственной терминологией. И как следствие этого ставится кантовский вопрос в результате: а как вообще возможна коммуникация, если все то, о чем Вы говорили, имеет место быть?

На что бы я хотела обратить внимание и что меня интересует и волнует? Я представляю здесь такое редкое сообщество, которое сегодня представлено широко, вот с учетом тех людей, которые здесь собрались, – это логическое сообщество. Есть такое – Логическое сообщество России, вот Галина Вениаминовна к нему принадлежит, Дмитрий Владимирович Зайцев там сидит, профессор тоже из МГУ, не пришел, к сожалению, Валерий Сергеевич Меськов. В общем, это редкий случай. Я вот этим пользуюсь, что я здесь оказалась. Я бы хотела обратить внимание вот на что. Когда говорят об эффективности коммуникации, о ее успешности, то возникает вопрос: а это что? Вот что такое успешная коммуникация? Вот чего она должна добиться? Она, очевидно, должна каким-то странным образом добиться взаимопонимания коммуникантов, так ведь? И при этом, видимо, одно из условий, которое налагается на коммуникацию, одно из требований, которое к ней предъявляется, – это требование ее рациональности.

Вот здесь говорилось о каких-то идеальных людях, о том, хорошее общество у нас, нехорошее общество, в будущем какое общество мы строим. Вот я попробую такую идеальную модель как бы предложить, не модель, а некое требование к обществу. Может быть, эта позиция уже устарела. Мне нравится позиция Карла Манхейма, который говорит, что хорошее общество – это общество, в котором гармонично сочетаются рациональность и нравственность. Вот было бы очень хорошо, если бы это получалось.

У меня название выступления звучит – критическое мышление как условие эффективной коммуникации (или успешной).

Я не буду в данном случае говорить о теории критического мышления, скажу только, что это требование, заключающееся в том, что коммуниканты должны предъявлять основания для текста, который они предъявляют, явные основания. Вот как это сочетается со скрытой... с неоткрытостью коммуникации, я не очень представляю, но рациональность вот таким образом должна пониматься.

Меня очень порадовало, что здесь с самого начала прозвучали идеи, вот буквально с вступительного слова, о том, что необходимо разработать понятия. Очень порадовало то, что было сказано, что необходимо не только делать, а рассуждать, о том, что обращать внимание на концептуальный аппарат, потому что мне кажется, что в нашем обществе вообще в принципе не ценится умение рассуждать и думать. Более того, как писал Бертран Рассел в свое время, некоторые люди скорее умрут, чем согласятся подумать.

Вот я тоже себе позволю в заключение обратиться к событиям киевским. Я вчера посмотрела ролик одного из участников коммуникации на Facebook, который смонтировал свой ролик в обоснование тезиса о том, что расстреливали спецназовцы не мирных жителей, невооруженных участников Майдана, а вооруженных представителей правового сектора. И он закончил свой ролик... Я не могу оценить, насколько он достоверно все это представил, это надо думать и смотреть еще раз, но закончил он очень удивительным образом, на мой взгляд. Он сказал: "Пытайтесь думать самостоятельно". Вот этот лозунг – "Пытайтесь думать самостоятельно" – удивительный, в общем-то, лозунг, это восходит, многие здесь знают, к любимому лозунгу Канта: "Имейте мужество пользоваться собственным умом". Вот Галина Вениаминовна очень любит этот лозунг. У нас эта способность не развита, на мой взгляд.

Умение анализировать, умение не доверять, умение рассуждать, вот сама идея, способность осуждения, она совершенно не востребована.

И вот то, о чем говорил Константин Эдуардович, мне кажется, надо расширить, чтобы необходимо переводить не только на язык... с права на обычный... наверное, одна из функций публичных коммуникаций — это проблема перевода, разъяснения поэтапного, такого кропотливого, противного, нудного, но разъяснения основных понятий, оснований, почему это решение предлагается, на каком основании, какова структура данного документа. Когда по ВАКу была принята масса новых документов, мы всей кафедрой долго думали, как прочесть один из абзацев, там были три равноправных смысла, каждый из них... непонятно, какой было выбрать.

Поэтому в заключение я бы хотела сказать, что, на мой взгляд, формирование критического мышления каким-то образом с детства — видимо, это одна из главных задач. А говорить, что плохие политики... политики — это те же люди, преподаватели — те же люди, учителя — те же люди. Мы все одинаковые в этом смысле, какие люди, такие есть в этом обществе. Где нам взять других? По-моему, с этого надо начинать. Спасибо за внимание.

К.Э. ДОБРЫНИН

Ирина Николаевна, просто блестящее обобщение, я думаю, что все с этим согласятся. Поэтому Вам спасибо большое, что Вы фактически подвели некий такой философский итог нашего "круглого стола".

Я единственное, хотел немножко вернуться к тому, что сказал Петр Борисович на тему того, что же является сейчас зачастую... за что идет борьба в политике. Вот вы сказали, что идет борьба за место, за то, кто командует, за то, кто начальник, за власть

напрямую. Проблема-то в том, что сейчас, если глобально смотреть, происходит борьба смыслов или конкуренция смыслов в мире вообще, она в литературе идет, в кинематографе межгосударственная. Пока мы не поймем, что бороться надо за смыслы, чтобы твой смысл становился первым или основным, тогда вот этот инструмент коммуникаций, если рассматривать коммуникации как инструмент, тогда он, наверное, станет осмысленным. Я бы вот так попытался резюмировать.

Поэтому коллеги, спасибо всем большое за участие. Единственное, просил буквально два слова Ярмач Юрий Васильевич в заключение. Давайте позволим.

Ю.В. ЯРМАК

Спасибо.

Уважаемые коллеги, мы по разному направлению подходили к этой сложной проблеме коммуникаций. Мне кажется, все-таки упустили одну вещь. Связана она с тем, какой человек, который придет в политику, в образование, в законотворчество, в применение тех или иных судебных решений, такой, в общем, и будет коммуникация. И в этом плане, наверное, есть смысл говорить о том, что мы все каждый раз должны начинать сначала: с семьи, с детей, со школы, с университетов и институтов, ибо кто, как не государство, как говорил Ян Амос Каменский заинтересовано в том, чтобы граждане были по-настоящему гражданами. Но они формируются, к сожалению, не вдруг, не сразу, не из какого-то материала, а именно постепенно, поступенчато в этой микросреде, которая потом выпускает на волю действия и в коммуникацию социально-политическую тех людей и граждан, о которых мы говорим, как действительно патриотов, или монстров, которые

думают о том, как бы распилить, что бы сделать, для того чтобы потом смыться, ни за что не отвечая. Спасибо.

К.Э. ДОБРЫНИН

Спасибо.

Пожалуйста, Ольга Васильевна.

О.В. МАКАРЕНКО

У меня две страницы презентации подготовлено. Но мне хотелось бы сказать очень важную вещь. Сегодняшний мир – это мир, когда люди, граждане живут в условиях жесточайшего информационного давления со стороны средств массовой информации, Интернета. И вот на фоне этого давления современный человек больше реагирует на образ, чем на текст. На фоне вот этих особенностей современных коммуникаций надо учитывать то, что те, кто занимаются политтехнологиями сегодня, используют социальный маркетинг.

Я, как член рабочей группы, кстати при Лепёхине еще, по закону о лоббистской деятельности и со времен конца 80-х – зампредела Общероссийской ассоциации маркетинга, и писала эти книги... У нас сегодня те, кто организует публичные коммуникации... Зачастую достижениями, которые в этой сфере достигнуты, психологами в первую очередь, мы мало пользуемся.

Вот есть формулы, психологами построенные (AIDMA есть формула и так далее), которые мы, когда строим публичные коммуникации, должны учитывать.

Если мы говорим об общественных слушаниях (то, о чем я хотела говорить), очень часто это очень скучные встречи, где начинающий говорить потом видит пустой зал. Я и в общественных слушаниях Думы... А уж если говорить о муниципальном уровне...

К.Э. ДОБРЫНИН

У нас, кстати, пустого зала нет, у нас было интересно.

О.В. МАКАРЕНКО

Это понятно. Если говорить о муниципальном уровне, то очень часто законодательно закрепленные общественные слушания выглядят так: стол президиума в три раза больше, чем число людей в зале. Поэтому законодательное обеспечение механизма публичных слушаний, общественных слушаний, мне кажется, так же необходимо, как и принятие закона о лоббистской деятельности.

К.Э. ДОБРЫНИН

Вы знаете, это интересная точка зрения, но она очень спорная, потому что если мы все начнем пытаться процедурно зарегулировать, мы можем потерять вообще смысл общественных слушаний, потому что тогда появятся жесткие процедуры. Регламент...

О.В. МАКАРЕНКО

Но хотя бы научными достижениями психологов пользоваться.

(Оживление в зале.)

К.Э. ДОБРЫНИН

Спасибо, коллеги. Спасибо всем за сегодняшнее мероприятие.

С МЕСТА

Одно предложение... Уважаемые коллеги, я тоже хотела сказать всем спасибо за сегодняшнее мероприятие. Я очень люблю библейское выражение "Дорогу осилит идущий", оно, правда, еще до Библии было. Мне кажется, это очень важно — что мы начали это движение, и очень хотелось бы, чтобы оно продолжалось.

К.Э. ДОБРЫНИН

Спасибо большое.

Коллеги, если какие-то предложения есть, пожалуйста, вы можете их оставить, и мы их включим в наши итоговые рекомендации.

